

ГЛАВА VI. Так называемый академический вопрос и необходимость в интеллигенции в рядах рабочей партии

Преследование интеллигенции внутри социалистического рабочего движения основывается на весьма несправедливых предпосылках. Оно формируется на основе двух совершенно различных точек зрения. Первая представлена группой, сформированной в Германии вокруг *Neue Zeit* и *Leipziger Volkszeitung*. Их мнение по этому поводу имело широкий резонанс среди радикально настроенного рабочего движения, в особенности в Берлине, обеих Саксониях и Вестфалии. Одни застыли в революционной и радикальной точке, полагая, что имеют право упрекать академические круги в намерении «выровнять», «размыть» рабочее движение, превратить рабочих в буржуа, отобрать у них их пролетарские силы, привести их к оппортунизму и приспособленчеству. Других не устраивает «радикальный» принцип “*memento principiis obstare*”. Они вымещают злость на академиках, потому что видят в них интриганов, закоснелых профессоров и т. д. Для них академическая интеллигенция – это люди, которые не имеют никакого представления о рабочем движении и его потребностях и только мешают его развитию своей кабинетной ученостью [489]. Таким образом, в то время как одни видят в академиках ревизионистов, подозрительных буржуа, социалистов с радикально правыми убеждениями, другие склонны причислять их к радикалам экстремально левых взглядов, подозрительным анархистам [490]. Оба предположения не верны. Сложно придумать мотивы, которые бы подтолкнули бывших буржуа примкнуть к ультраправой партии. С точки зрения психологии и истории куда проще согласиться с противоположным тезисом, пусть его аргументы и не полностью удовлетворительны.

Психология: Каутский, говоря об эпохе, когда социализм был для образованного большинства преступлением или, по крайней мере, безрассудством, об эпохе, которую он, по моему мнению, слишком рано считает завершенной, утверждает, что перешедшие из рядов буржуазии в ряды социализма должны быть полны революционного пыла и убежденности, настроены куда энергичнее, чем пролетарии [491]. Однако ожесточенная внешняя и внутренняя борьба, дни, полные разочарований, и бессонные ночи, на которые

они обречены на долгом пути к социализму, воспитали в буржуазии, в ее самых высокопоставленных слоях, особую твердость убеждений, энергичность и страсть, которых зачастую так не хватает их пролетарским соратникам. Они сжигают все мосты, соединяющие их с буржуазным миром. Он становится для них смертельным, непримиримым врагом. В борьбе против буржуазии они с легкостью встанут на самый радикальный путь (см. ч. IV, гл. 2).

Однако бывшие буржуа так склонны к радикальности не только из-за ожесточенной внутренней борьбы, которая сопровождает их в их отчуждении от родного социального класса и благодаря которой они исполнены революционного пыла и энергии. Важную роль играет также их образование в области истории, их обширные и подробные знания о природе буржуазии. Пролетарию зачастую трудно верно оценить объем власти противника и разнообразие средств ведения борьбы, доступных ему [492]. Он наивно поражается социальным буржуазным стремлениям, поддается на приманку искренних или лицемерных представлений, разыгранных перед ним представителями определенных буржуазных слоев, становится похож на крестьянина на ежегодной ярмарке (см. ч. IV, гл. 5). Бывшие буржуа быстрее распознают попытки усыпить бдительность рабочих, предпринятые в родном для них социальном классе. Им куда проще разглядеть истинные причины, которыми руководствуется буржуазия. В том, что его соратник-пролетарий воспринимает как любезность и проявление дружелюбия, бывший буржуа видит грубое лицемерие ради гнилой коррупции. То, что его товарищу кажется серьезным шагом по направлению к цели, ему видится лишь незначительным этапом бесконечного пути классовой борьбы.

Различия в процессах развития одной и той же идеи в сознании буржуа и пролетария должны проявляться и в ее внешней форме, в ее распространении и применении против врагов и полудрузей партии. Психологические процессы, происходящие в каждом социалисте, вне зависимости от его происхождения, объясняются логически. Пролетарий без должности в партии, но с партийным билетом наблюдает за всеми аспектами развития идеи, за которую он так отчаянно сражается, видит, как развивается партия, на собственном опыте ощущает улучшение условий оплаты труда, помимо членства в партии он состоит в профсоюзе и, возможно, в союзе потребителей. Увиденное его вполне удовлетворяет. Развитие рабочего движения видится ему в розовом свете, и потому он с оптимизмом смотрит на выполнение своего классового исторического долга. Поражение кажется ему маловероятным, если не исключается вовсе, для него неудача – преходящее явление. В таком расположении духа он становится невероятно дружелюбным, благородным, он почти готов к классовому примирению. Среди пролетариев, которые добились должности в партии, эта предрасположенность выражена еще сильнее.

История подтверждает наши предположения. Например, когда мы наблюдаем за теми, кто перешел из рядов аристократии или крупной буржуазии: князь Михаил Бакунин, князь Петр Кропоткин (оба анархисты), Фридрих Энгельс [493], Карл Маркс [494]. Исторические исследования оправдывают психологию: как правило – и речь здесь идет только об одном правиле со множеством исключений, – социалист, пришедший из буржуазных кругов, в любых серьезных партийных вопросах примет наиболее радикальное и бескомпромиссное решение. Конечно, вместе с тем история рабочего движения учит нас, что некоторые ревизионистские течения зачастую «академичны». Нельзя забывать, что ревизионизм,

прижившийся в Германии, если и не был инициативой небольшой группы «социалистически настроенных студентов», то, по крайней мере, был моментально взят ими на вооружение. К тому же именно лидеры профсоюзного движения, изначально пролетарии, подтолкнули немецкую социал-демократическую партию в реформистском направлении. Такое часто бывает с эксклюзивными рабочими организациями: уже упомянутая французская группа Международной ассоциации рабочих, сформированная Фрибуром и Толеном, английские члены профсоюзов (trade union), так называемые интеграллисты, собравшиеся вокруг Revue Socialiste и бывшего поденщика средней руки Бенуа Малона (против которого поначалу ополчился врач Поль Брусе, затем непримиримые марксисты, а также английский врач Поль Лафарг и высокообразованный литератор Жюль Гед), независимая рабочая партия и комитет представительства труда, генуэзская группа, сформированная вокруг лакировщика Къеза и сельскохозяйственные рабочие Эмилии, хранители и защитники ультраправого социализма. Не углубляясь в вопрос *cuī bono*, можно утверждать, что, как правило, лидеры рабочего движения, выходцы из пролетарских слоев, склонны к более правым взглядам. Легин, Анселе, Ригола. Поссибилизм вряд ли можно считать коварным изобретением[495].

Отыскать статистические доказательства того, что члены социалистических партий, происходящие из буржуазных слоев, чаще разделяют революционные, а не ревизионистские взгляды, не просто. В современной Италии по причинам, которые будут объяснены ниже, мы можем наблюдать потрясающий пример обратного действия этого тезиса. К сожалению, мы располагаем лишь описанием, а не количественными данными о нем. Официальная партийная организация миланских социалистов – Миланская федерация в 1903 году испытывала острую нехватку средств из-за недобросовестной уплаты взносов подавляющим большинством членов партии. Для того чтобы решить эту проблему, руководство постановило прибегнуть к распространенному в итальянских социалистических кругах способу: сумма ежемесячного партийного взноса теперь была не одинаковой для всех, а определялась по имущественному критерию. То есть те, кто имел больше, должны были мириться с введением прогрессивного налога. Это преднамеренное нарушение заведенного порядка вещей, основанное исключительно на социалистических взглядах, миланские ревизионисты использовали как долгожданный повод покинуть партийные ряды. Они объявили эту систему уплаты взносов несправедливой и неправильной, но на самом деле уже давно искали повод, не потеряв лица, выйти из партии, в которой преобладали радикальные настроения. В свете этих обстоятельств выяснилось, что ушедшие как раз и были теми, кого касалось повышение суммы взносов. Обладающие крупным состоянием, то есть буржуа, оказались в этом случае в рядах ревизионистов[496]. Этот факт подкреплен еще одним наблюдением: в последние годы (приблизительно с 1901-го) большинство итальянских интеллигентов вступают в ряды ревизионистов и в той или иной степени становятся сторонниками оппортунизма Турати. Это наблюдение противоречит приведенной выше закономерности, что перебежчики из буржуазных слоев настроены негативно по отношению к любому оппортунизму. Однако это противоречие иллюзорно. Как мы неоднократно замечали, партийная непримиримость бывших буржуа прежде всего определяется сложным и тернистым путем классово сознательному пролетариату, который им пришлось пройти. Препятствия, которые им пришлось преодолеть, доказывают их недюжинную силу и готовность к борьбе. Эта основа революционного духа со временем ослабевает или вовсе исчезает, так как путь буржуазии к социализму становится все ровнее. Так же и в Италии. Что посеешь, то и пожнешь (см. ч. III, гл. 1; ч. IV, гл. 2).

В новейшей партийной истории интеллигенция представлена во всех политических лагерях равномерно. Если вернуться к академикам в немецкой социал-демократической партии, мы увидим, что они работают во всех без исключения партийных направлениях: доктор медицинских наук Рафаэль Фридеберг, сторонник анархо-социализма, его поддерживают доктор философии Отто Бюк, толстовец-кантианец, и доктор медицинских наук Эрнст Тезинг. Среди ревизионистов мы видим судью Вольфганга Хайне, бывшего студента семинарии Кальвера, бывшего студента-политолога Макса Шиппеля, пастора А. Гёре, бывшего учителя гимназии доктора Э. Давида, доктора философии Генриха Брауна и др. На противоположной стороне находятся доктор философии Франц Меринг, доктор Пауль Ленш, доктор Роза Люксембург, доктор Израэль Гельфант (Парвус), бывший студент Макс Грюнвальд, бывший судья Артур Штадтхаген, нынешний судья Карл Либкнехт и Карл Каутский, который лишь по случайности не получил докторское звание. Академические массы, таким образом, даже в Германии не равны ни ревизионистам, ни революционерам.

Борьба с интеллигенцией в социал-демократической партии объясняется самыми разнообразными причинами. Иногда она возникает как форма междусобной борьбы интеллектуалов за лидерство внутри партии. Или как борьба сторонников противоположных взглядов – адаптация теории или строгая верность теории, ведение переговоров или радикализм, профсоюзы, организованные по английскому образцу или в соответствии с марксистской историко-философской доктриной, – такая борьба иногда превращается в борьбу большинства против ничтожно малой партийной прослойки.

Борьбу с академизмом не всегда начинают сами рабочие [497]. Но и в рабочих кругах до сих пор сохраняется недоверие к социально неоднородному слою (см. ч. II, гл. 6). Справедливо замечание Клары Цеткин: «Одинокий и неприкаянный перебежчик из буржуазного мира вынужден в одиночку противостоять своим товарищам. Одновременно свой и чужой в долине частной собственности, с которой его связывают воспитание и привычки, одновременно свой и чужой на вершинах пролетариата, с которыми он крепко связан узами общности и убеждений»[498]. На образованных людей сила традиции давит куда сильнее [499]. Поэтому они с недоверием ждут, как их примет новое окружение. Интеллигенты, под влиянием идеализма присоединившиеся к партийным рядам, чувствуют себя подавленными и разочарованными[500]. При этом массы не всегда хорошо понимают, как велика была жертва интеллектуала, принесенная им ради вступления в партийные ряды. Пауль Гёре на партийном съезде в Дрездене упомянул тот факт, что он потерял работу, доход, социальное положение и семью ради общественной работы; различные партийные газеты ответили, что все это, мягко говоря, сплошные сантименты, а рабочие имеют полное право их освистать. Подобные «жертвы» приносят не делу пролетариата, но себе самим. Товарищам по партии нет дела до жертвы, принесенной ради их блага. Интеллигенту и пролетарию не суждено понять друг друга.

В Германии, так же как в Италии и Франции, в адрес интеллектуалов раздаются самые ужасные, самые тяжелые обвинения. В некоторые периоды истории немецкой социал-демократической партии – вспомнить хотя бы партийный съезд в Дрездене – казалось, что все сложные тактические вопросы сводятся к «академическому вопросу», периоды, когда ученые члены партии становились главной мишенью всеобщего порицания[501]. Даже сегодня так называемые академики вызывают множество подозрений. Даже сегодня среди

них найдется не так много тех, кому в свое время не пришлось доказывать массам, что они, несмотря на свое высокое положение и социальное происхождение, все же могут быть хорошими социал-демократами. При этом господа академики проявляют себя не очень героически, когда без конца отрицают свое истинное происхождение и кокетничают с кулаком пролетариата. Мерлино попал точно в цель, иронично заметив, что подобное положение дел сохранится лишь до тех пор, пока им не удастся стать лидерами партийного движения[502]. С этого момента они, по крайней мере в отношениях с массами, будут в безопасности. Помимо этого к демагогии их побуждает страх перед критикой со стороны буржуазных партий и в особенности конкурентов из пролетарских кругов (см. ч. II, гл. 5).

Нельзя, однако, не заметить, что у этого – отчасти искусственно сформированного – недоверия масс к ученым есть и положительные стороны. Не только потому, что им удается выгнать из рядов интеллектуалов самых сумасбродных и своенравных их представителей[503]. Нет ничего губительнее, чем терпение рабочих к интеллектуальной заносчивости. Университетский диплом еще не говорит об избранности или выдающихся интеллектуальных способностях, но говорит лишь о принадлежности к более привилегированному социальному слою. Студент не имеет права гордиться своими умениями и знаниями, звание доктора не может считаться почетным титулом. Любой среднестатистический пролетарий добился бы этого звания с такой же легкостью, что и среднестатистический интеллектуал, если бы у него только был доступ к необходимым средствам. В итоге для блага рабочего движения будет куда лучше, если недоверие рабочих к буржуазным перебежчикам стократно возрастет, чем если партийное руководство хоть раз не оправдает доверие пролетариата. На практике, к сожалению, все наоборот.

С этической точки зрения презрение неинтеллектуалов к интеллектуалам совершенно неоправданно. Неоспоримым фактом, по крайней мере в Северной Германии, является то, что перебежчик из буржуазных слоев, вступающий в революционную рабочую партию, партию «переворота», в ряды «безродного отребья, лишенного права зваться немцами», в социальном и экономическом плане теряет ровно столько же, сколько приобретает его антиакадемический товарищ, когда вступает в партию своего же класса, движимый классовым эгоизмом. Разумеется, рабочий класс, ведущий политическую борьбу, нуждается в новобранцах из своего же класса, которые могли бы получить повышение и стать офицерами пролетарской армии, и хорошо, что они есть. Так же очевидно и то, что рабочий класс обеспечивает положение своих избранных руководителей и предоставляет им надежное место. Поэтому таким «поднявшимся» рабочим не подобает смотреть свысока на своих «добровольно деклассированных» товарищей родом из буржуазии. Эти выскочки – последние, кто может позволить себе поносить нижестоящих.

Борьба против академических слоев внутри социал-демократии не только несправедлива, но и бессмысленна – это следует из вышеназванных принципов. К тому же нет никаких сомнений, что технически развитое рабочее движение Германии не может обойтись без определенного количества интеллектуалов. Несмотря на то что немецкая социал-демократическая партия как в общем, так и в руководящем составе по большей части состоит из пролетариев, а среди ее руководителей мы видим личностей масштаба Августа Бебеля, Игнаца Ауэра, Йоханнеса Тимма, Мартина Зегитца, Адольфа фон Эльма, Отто Уэ и многих других, которые происходят из пролетарских слоев, не будет преувеличением

предположить, что, если исключить из рядов социал-демократии всех ученых, она ощутимо потеряет.

Согласно утверждению Меринга, воинствующий пролетариат не очень нуждается в интеллектуалах как во вспомогательной силе для ведения практической социальной борьбы. Он пишет: «Если они хотят быть только практиками, а не теоретиками, они становятся бессмысленным довеском рабочего движения, ведь что может означать присоединение нескольких сотен ученых к нескольким миллионам рабочих, если миллионы хорошо разбираются в практической стороне дела, а сотни не разбираются вовсе. В свою очередь, пролетариат нуждается в ученых из-за социальной теории. Именно ученые заботятся о разъяснении исторических взаимосвязей рабочего движения и всемирной истории, а следовательно, и о том, чтобы рабочие не забыли о своей великой цели, которую они должны неустанно преследовать и на благо которой должна быть организована совместная работа всех партийных направлений. Таким образом, задача ученых заключается в том, чтобы «поддерживать огонь в рабочем движении в его стремлении к своей великой цели и объяснять рабочим смысл исторических взаимосвязей, которые гарантируют победу пролетариата»[504].

Нет необходимости защищать интеллект пролетариата от нападков тех, кто, видя, что интеллигенция исторически необходима социалистической партии, желает поставить под сомнение интеллектуальные способности рабочих. Любой, кто хоть немного разбирается в истории международного рабочего движения, знает, сколько в представителях пролетариата, преисполненных классовым самосознанием и решившихся вести борьбу за независимость, работоспособности и желания трудиться. Каждому известно, сколько в рядах пролетариата в любой стране мира образованных, верных своему долгу, трудолюбивых людей. Пролетарий, выполняющий работу руководителя кооператива или профсоюза либо партийного редактора в широком смысле стал примером, которому могли бы последовать многие его коллеги в буржуазных партиях (см. ч. IV, гл. 5). Если, несмотря на это, экс-рабочие члены рабочих партий перекладывают решение и развитие теоретических вопросов и зачастую ведение тактической ежедневной политики, которой они сами во многом управляют, на плечи своих партийных товарищей из буржуазных слоев, это явление легко объяснить, не представляя его свидетельством скудоумия рабочего класса, ведущего борьбу. Оно объясняется тем обстоятельством, что современный экономический порядок, определенный товарным производством, не смог помешать развитию интеллигентности среди наемных рабочих. Тем не менее путем монополизации культурных благ экономика делает все, чтобы возможность превратить свою интеллигентность в интеллект была у весьма ограниченного круга наемных рабочих. Современная крупная промышленность нуждается в образованных рабочих из пролетарских слоев. Интеллектуальные рабочие, рабочие с выученной интеллигентностью тоже ей нужны. Но это сырье ей поставляют начальство и родня. Открывать рабочим двери в образование не в интересах частной крупной промышленности. В сфере сельского хозяйства чем рабочий глупее, тем лучше. Социалист-буржуа сегодня располагает всем, что так необходимо современному пролетариату: временем и средствами для получения политического образования, механической свободой передвижения, материальной независимостью, без которой немыслима политическая деятельность значительного масштаба. Выходит, что пролетариат до сих пор не может обойтись без буржуазных перебежчиков.

На съезде социал-демократической партии во Франкфурте в 1894 году была созвана особая комиссия по рассмотрению аграрного вопроса. Среди 15 членов комиссии по меньшей мере 9 были интеллектуалами, это с очевидностью многовато, если учесть, что среди руководителей немецкой социал-демократической партии экс-рабочих больше, чем буржуазных перебежчиков. Однако ситуация с комиссией по аграрному вопросу легко объясняется тем, что решение научной проблемы может быть найдено только представителями науки. Так происходит каждый раз, когда возникает необходимость принять решение по конкретному вопросу, требующему профессионального образования – юридического, философского или экономического. На каждом шагу мы видим случаи, когда самообразования недостаточно. Растущая демократизация государственных институтов и прогрессивная социализация коллективной жизни, а также обеспечение лучших условий труда для рабочих, возможно, постепенно уничтожат потребность рабочих в лидерах-интеллигентах. К тому же приток сил в рабочее движение, который обеспечивает буржуазия, не станет меньше. Но все это вопросы далекого будущего. Движение, подобное современному рабочему движению, вряд ли достигнет той стадии зрелости, на которой оно сможет заменить своих руководителей представителями собственного социального класса.

Буржуазные элементы социал-демократической рабочей партии не могут быть изгнаны или исключены, у них не только есть право на существование, но они уже стали неотъемлемой частью всего движения. Политическое рабочее движение без дезертиров-буржуа точно так же исторически невозможно, как и рабочее движение без пролетариата. Это относится как к начальным этапам развития рабочего движения и эпохе его генезиса, так и к более поздним периодам его становления, которые мы наблюдаем (см. ч. IV, гл. 1).

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:55:11

Зверобой обновил 19 января 2026 23:55:30